

Андрей Тихомиров

Институт истории науки Польской академии наук

«ЛЮДИ КРАЙНЕ ТЯЖЁЛЫЕ, ВРЕДНЫЕ ДЛЯ НАРОДА»: ЕВРЕИ В НАРРАТИВЕ МИХАИЛА ОСИПОВИЧА КОЯЛОВИЧА

Отношение к различным национальностям и общественным группам зачастую базируется на достаточно устойчивых стереотипах. Стереотипные представления во многих случаях имеют разное происхождение, но фоном для них, как правило, являются исторические, религиозные и социальные явления. Исторические корни глубокой убеждённости в тех или иных позитивных или негативных качествах целой группы людей закреплены передачей социального опыта, освящённого отношением к прошлому, соответственно они также отягощены коллективной памятью. Религиозные корни также связаны с передачей социального опыта большими коллективами, но дополнительно подкреплены представлением о существовании трансцендентальных явлений, от которых напрямую зависит жизнь людей. Социальные корни стереотипов связаны с повседневными практиками каждого конкретного человека, его опытом общения с различными людьми, а также с передачей впечатлений другим и складыванием определённых представлений. Социальные явления в большинстве случаев накладываются как на исторические, так и на религиозные.

В XIX веке вместе с развитием научных представлений в области этнографии и истории, учёные стали создавать целые нарративные системы, где этнические и религиозные стереотипы подкреплялись ореолом научности, объективности, истинности. Академические сообщества вместе с ростом доверия к научным знаниям со стороны политической власти получили возможность влиять на решения политического, экономического и социального порядка имея подкрепление в тезисе об объективности, т. е. научной беспристрастности своего знания.

В Российской империи значение науки для понимания самих географических масштабов государства и должного управления имело большую практическую составляющую. Соединение в одном государственном механизме территорий весьма различных по географическим, историческим, этническим и религиозным характеристикам требовало соответствующих знаний. Для понимания процессов, происходящих на тех или иных «окраинах»

требовалось знание о народах, языках и социальном укладе.

Территории, присоединённые к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII века не были исключением. Их особое положение в империи основывалось прежде всего на том, что это были европейские земли с достаточно развитой культурой, традицией собственной государственности и достаточно многочисленной социальной элитой. Наличие собственной элиты усложнило включение этих земель в имперский механизм. Если для первой половины XIX века включение местных элит представлялось имперскому центру относительно простой задачей, то с ростом сопротивления (в том числе и в виде вооружённых восстаний), развития воображения о нации и важными изменениями в социально-экономической структуре у части российских интеллектуалов сложилось представление о том, что местные элиты не являются опорой для политики государства. Базируясь на идеологии славянофилов, они обратили внимание на «народ», под которым понимали прежде всего крестьянство. После реформ Александра II (главным образом отмены крепостного права и развития судебной системы) крестьянство получило не только реальные социальные права, но и стало предметом для интеллектуальных рассуждений. Нельзя сказать, что интеллигенция не обращала внимания на эту социальную группу до этого, но 1860-е годы стали важной вехой для нового осознания этого вопроса.

Для белорусских, литовских и украинских земель второй половины XIX – начала XX века весьма важным интеллектуальным явлением была т. наз. идеология «западноруссизма». Своё название она получила только в 1920-е годы, но и в период наибольшей активности её ярких представителей слова и сочетания «западнорусский», «западнорусс», «Западная Россия» и их производные были неотъемлемой частью научных и публицистических текстов¹.

Появление «западнорусского» нарратива было тесно связано с желанием эмансипации старых элит бывшего Великого княжества Литовского и Речи Посполитой греко-католического и православного происхождения, стремившихся не только к включённости в российский имперский механизм управления, но осознающих свою отличность от польских элит

¹ Среди научной литературы на эту тему стоит выделить следующие работы: А. Цвікевіч, *«Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.*, Менск 1993; А. Литвинский, Д. Карев, *Западнорусизм в российской историографии второй половины XIX–начала XX вв.*, [в:] Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы, пад рэд. Д. Карава, Л. Мальцавай і Н. Мілосты, Гродна. 2004, с. 195–324; D. Staliūnas, *Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*, Amsterdam-New York, N.Y. 2007; М. Долбилов, *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2010; V. Symaniac, *La construction idéologique slave orientale. Langues, races et nations dans la Russie du XIXe siècle*, Paris 2012, p. 415–431; N. Morawiec, *Dialektyki ruskości. «Historia zjednoczenia zachodnioruskich unitów...» M. Kojalowicza a metafora zjednoczenia*, [w:] *Ukraina-Polska-Unia Europejska. Polityczny, gospodarczy i społeczno-kulturalny wymiar współpracy*, pod red. K. Jędraszczyk, O. Krasińskiego i W. Sobczaka, Poznań 2012, s. 411–432; А. Тихомиров, *Западнорусизм jako światopogląd: historia i kontynuacje*, «Częstochowskie Teki Historyczne», 2016, t. 6, s. 183–205.

данной территории. Разделение этих элит происходило прежде всего по конфессиональному принципу. Стремлением к включённости в имперскую элиту можно объяснить сам процесс сближения высшей иерархии греко-католической (униатской) церкви с синодальным православием, логичным завершением которого была ликвидация греко-католической церкви на Полоцком соборе 1839 года.

Принятие «имперской веры», т. е. православия не исключало при этом сохранения целого ряда особенностей религиозного, исторического, языкового и социального плана, которые в итоге способствовали появлению «западнорусского» мировоззрения. Его главными представителями были выходцы из духовного сословия. Особый способ воспитания, включённость в интеллектуальный процесс и предрасположенность к сознательной социальной активности повлияли на создание собственного представления о прошлом. В представлении «западноруссов» земли Великого княжества Литовского — это «Западная Русь» (или «Западная Россия»), особая страна, оторванная «западной цивилизацией» от остальной части России (часто употреблялось название «Восточная Россия») и возвращённая ей в результате разделов Речи Посполитой. Географически это были земли белорусских, литовских и украинских губерний в границах Российской империи, но часто под «западнорусскими» понимались также земли Восточной Галиции, Холмщины, Подлясья и Прикарпатской Руси.

Одним из самых ярких представителей «западнорусского» направления в историографии был профессор Петербургской православной духовной академии Михаил Осипович Коялович (1828–1891). Рождённый в местечке Кузница Гродненской губернии (сейчас оно расположено в Подляском воеводстве Польши) сын униатского священника, перешедшего в православие, сделал успешную карьеру в Петербурге и был одним из самых важных историков и публицистов второй половины XIX века. Михаил Коялович окончил духовное училище в Супрасле, Литовскую духовную семинарию в Вильно и Петербургскую духовную академию. После непродолжительного периода работы в Риге он связал всю свою жизнь с Петербургом². При этом его научная и публицистическая работа были тесно связаны с историей и настоящим белорусских, литовских и украинских земель. Основными научными интересами учёного были история униатской (греко-католической) церкви, прошлое «Западной России», русская историография.

В обзорной работе «Лекции по истории Западной России», изданной впервые в 1864 году³ (последующие издания выходили под названием «Чтения по истории Западной России») Михаил Коялович затронул практически все этапы истории этих земель. Первоначально эти лекции историк читал в узком кругу лиц, приближённых к великому князю Николаю Максимилиановичу

² Основные моменты биографии М. О. Кояловича отражены в следующих работах: В. Н. Черепица, *Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества*, Гродно 1998; П. Жукович, *Михаил Осипович Коялович*, «Славянское обозрение», 1892, т. 1, с. 70–79; Н. Скалабанович, *Профессор М. О. Коялович (некролог)*, «Церковный вестник», 1891, 29 августа, № 35, с. 556–560; С. Бершадский, *Михаил Осипович Коялович. Некролог*, «Журнал Министерства Народного Просвещения» 1891, октябрь, с. 33–38.

³ Я цитирую «Лекции по истории Западной России» по современному изданию 2011 года.

Романовскому, четвёртому герцогу Лейхтенбергскому (1843–1891), члену российского императорского дома.

В первых разделах издания 1864 года учёный обратил внимание на географическую и этнографическую картину региона, в том числе и на присутствие большой еврейской общины. Стоит отметить, что в большинстве своих работ Коялович употреблял названия «жид», «жиды», «жидовский», что уже в тот период времени считалось оскорбительным, уничижительным и некорректным в русском языке. При этом он одновременно также употреблял названия «еврей», «еврейский», зачастую в том же тексте и даже предложении. Вероятно, это было связано с рядом факторов. Традиционно в белорусском, а также в польском и литовском языках такое название евреев не являлось уничижительным и некорректным (в современном польском и литовском языках это название сохраняется как употребительное и не носит какого-либо оскорбительного оттенка); при этом нельзя не исключить сознательного употребления таких названий в русском языке из-за ярко выраженного негативного отношения самого Кояловича к еврейской общине и для демонстративного подчёркивания такого отношения⁴.

При описании еврейской общины «Западной России» историк подчёркивал её преимущественно городской характер. Объяснял он это исключительно тем, что евреи якобы не хотели заниматься земледелием: «недавно пробовали строить деревни жидам, давали даже священные названия этим деревням, вроде Сарепты, Вифлеема и т. п., предоставляя, конечно, поселявшимся евреям разные преимущества. Через год, как оказывалось, что, если местность позволяла вести какой-нибудь промысел, то ещё оставалось в деревне несколько жидов; но если нет, то деревня пустела, и разве один жид оставался в ней как бы стражем, и то, устроив корчму, т. е. постоялый двор»⁵. Важно подчеркнуть то, что Коялович не затрагивал вопроса о «черте оседлости» и правовых ограничениях для евреев в Российской империи в данном контексте. Само объяснение городского характера общины он видел исключительно в социально-профессиональном факторе, опуская реальные правительственные ограничения. Реальная «черта оседлости» у Кояловича остаётся «незамеченной». Автор вероятно полагал, что её существование воспринимается читателем как нечто само собой разумеющееся. Но возможно и иное объяснение: Коялович старался объяснить наличие большой еврейской общины в «Западной России» совершенно другими факторами.

Доминирование евреев в сфере торговли и услугах объяснялось автором исторически сложившимися условиями: «недаром жиды привязаны в Западной России к торговле. Известно, что этот народ везде исторически развил в себе особенную способность к торговым оборотам, и оборотам самым усиленным, которые доставляют большие барыши, но которые тяжело отзываются на тех, кто даёт возможность получать такие барыши. В странах развитых эта особенность жидовская может не производить дурных последствий, потому что уравнивается и сдерживается другими

⁴ В прямых цитатах из работ М. О. Кояловича я не корректирую эти названия и оставляю их в оригинальном виде для лучшего показа контекста авторского высказывания.

⁵ М. О. Коялович, *Лекции по истории Западной России*, [в:] id., *Шаги к обретению России*, Минск 2011, с. 33.

местными силами. Но в стране неразвитой и бедной, какова Западная Россия, усиленная торговля жидов тяжело ложится на страну. Зло это становится здесь особенно ощутительным от огромного числа жидов. Их, как мы уже сказали, 1 180 000. Сравнительно с местным населением, такого числа жидов нет нигде в Западной Европе. Самое большее, например в Австрии, приходится: один жид на 60 человек, а в Западной России – 1 жид на 11 христиан, часто на 9 человек; в городах же приходится по несколько жидов на одного христианина. Очевидное дело, что такое множество жидов в неразвитой стране заставляет их ещё больше усиливать торговое движение, и это тем тяжелее ложится на народ. Они действительно заняли все пункты, где только может происходить что-либо торговое. Приезжаете вы в город, – вам нельзя ни остановиться, ни продать, ни купить, ни даже узнать что-либо без жида. Выехали за город, едете по дороге, – на постоялом дворе жид управляет; смотрите: плывёт барка или лодка, чем-либо нагруженная, работают местные крестьяне, а жид торчит тут, как хозяин»⁶. Как видно, объяснение своего негативного отношения к евреям он связывал именно с социально-экономическим фактором. В нарративе Кояловича евреи занимали «не свою» социальную нишу и, одновременно, будучи достаточно многочисленной группой они оказывали значимое влияние на всё общество. Такого рода дискурс можно назвать антисемитским в современном смысле: в данном случае не подчёркивается негативное отношение к евреям только по религиозному признаку, а прежде всего социальному. Стоит при этом подчеркнуть, что выраженного расового момента такое отношение не содержало.

Появление такого многочисленного еврейского сообщества в «Западной России» Коялович связывал с поляками: «торговля, промышленность в стране поддерживаются и особенно нужны классу людей цивилизованных, развитых. Таким классом до сих пор были в Западной России поляки. Жиды связаны с ними более тесным образом. Они, как увидим после, и проникли в Западную Россию с поляками. До чего доходит эта близость, можно судить по тому, что с начала польского восстания жиды составляли для поляков как бы комиссариатское ведомство, доставляли им припасы и разные разности». Тесная связь евреев с поляками в данном дискурсе призвана была не только негативно настроить слушателя и читателя к данным общностям, но и подчеркнуть их «чужое» происхождение.

События Январского восстания 1863–1864 гг. вызвали в Российской империи огромный отклик, российское общество было не просто негативно настроено к восставшим полякам, но и испытывало ощущение того, что поляки предали их надежды и предали законную власть в лице монархии Романовых. Коялович был одним из тех авторов, которые не только использовали эти настроения, но и тем, кто старался доказать чуждость самого присутствия поляков на землях «Западной России». Евреи в его повествовании играли роль союзников поляков в историческом прошлом и в настоящем, но при этом они могли также принять и сторону русских. Совместное участие поляков и евреев в восстании давало повод для обвинения последних в соучастии

⁶ Ibid., с. 34.

в грабежах: историк даже писал о «ворах-жидах»⁷. Отношение к польскому населению у Кояловича было несколько двояким: с одной стороны он считал его пришлым и опасным для «Западной России» (в первую очередь выделяя из него дворянство и духовенство), но при этом писал о том, что «против чистого народного польского элемента я ничего не могу иметь и не имею. Я бы даже признавал его совершенно безвредным в Западной России, если бы мог представить, что он может туда проникать в чистом виде, без шляхетских, иезуитских и революционных особенностей»⁸.

Отношение евреев к восстанию учёный старался показать примером из Могилёва: «когда восстание приняло дурной оборот, когда в Западной России явилось много русских, от которых можно было получать выгоды, жида, конечно, отвернулись от поляков и стали доказывать преданность русским. Что такое эта преданность, это хорошо обрисовывает следующий факт. В Могилёве, кажется, городское общество собралось писать верноподданнический адрес. Мещане-христиане заявили, что они готовы принести на алтарь отечества своё достояние, жизнь и кровью запечатлеть свою верность Государю и России. Жида возразили: «зачем эта кровь, – просто сказать, что мы верны и довольны»⁹. Стоит отметить, что этот фрагмент показывает сразу два элемента повествования: автор упрекает евреев в «недостаточной» лояльности к существующей власти, монарху и государству и в «неискренности» при подписании определённого заявления. Интересно, что при этом Коялович не упоминает о том, что отношение к крови у евреев носит иной характер и сама клятва на крови могла ими восприниматься в негативном свете по религиозным соображениям. Возможно, что автор не учитывал этого момента из-за недостаточного знания повседневных реалий еврейского быта, но нельзя исключать, что этот фрагмент должен был усилить негативное впечатление у читателя.

Важна была и практически сразу сделанная Кояловичем оговорка: «конечно, делая такой неблагоприятный очерк жидовства, мы всегда предполагаем, что между жидками есть прекрасные люди, с которыми действительно местные жители нередко живут в самой тесной дружбе»¹⁰. Но при этом сразу же автор высказывал последующую мысль, по сути отрицающую предыдущую: «но что касается до массы жидов, то мы позволим себе сказать следующее: во всём том, что у нас писалось или пишется великолепного, трогательного о целой массе западнорусских жидов, – во всём этом не более как или прихотливая иллюзия, падкость на излишняя любви ко всему не русскому, или известным способом подслащенные рассказы. Жида западнорусские – это люди крайне тяжёлые, вредные для народа и настоят крайняя необходимость очистить от них хоть немного Западную Россию»¹¹.

Постулируя выселение целой группы населения из «Западной России», Коялович хотел таким образом упростить «народу» (т. е. белорусскому,

⁷ Id., *Где наши силы?* «День», 03.08.1863, № 29, с. 6–9.

⁸ Id., *Что нужно Западной России? Письмо к редактору*, [в:] id., *Шаги к обретению России...*, с. 506.

⁹ Id., *Лекции по истории Западной России*, [в:] id., *Шаги к обретению России...*, с. 34–35.

¹⁰ Ibid, с. 35.

¹¹ Ibid.

литовскому и украинскому крестьянству) продвижение по социальной лестнице. Занятие евреями городской ниши, торговли и ремесла, согласно Кояловичу, составляло одну из основных проблем социальной структуры края. Расселение еврейского населения в центральные губернии империи (как упоминалось ранее, обычно он их называл «Восточной Россией») представлялось в категориях ассимиляции. При этом русский народ рассматривался как главный фактор такой ассимиляции: «для этого лучше бы всего выселять их назад в Польшу; но так как это невероятно, то остаётся ожидать, чтобы они выселились в Восточную Россию. Против этого тоже многие восстают, боятся зла от жидов. Без неудобств для русского народа, конечно, не обойдётся но можно утешать себя следующей, например, поговоркой, которую нам не раз приходилось слышать во время путешествия по Западной России: если жид торговец, говорили нам, поселится со своей лавочкою между двумя торговцами – местными христианами, то один из этих последних закроет лавочку, не выдержит конкуренции с жидом, но если великорусский торговец поселится между двумя жидовскими лавочками, то обе закроются. Очень может быть, что такое мнение несправедливо; но в таком случае можно опереться на другое. Сила русского народа так велика, что, конечно, способна потопить в себе и жидовство»¹². Вера в «силу русского народа» и его ассимиляционный потенциал была одним из основных постулатов историка. При этом стоит обратить внимание на то, что в его понимании белорусское и украинское население (рассматриваемое как часть русского народа) не было в состоянии эффективно ассимилировать евреев, а именно великорусы обладали соответствующей силой. Сам постулат «очищения» от евреев во имя упрощения социального трансфера в устах Кояловича можно считать вполне развитым антисемитским посылом в современном смысле: «как бы то, впрочем, ни было, а необходимо очистить Западную Россию от жидовства, – необходимо во имя человеколюбия. Народ западнорусский сознаёт, что жидовство стоит ему на дороге вместе с поляками, поэтому, во все времена, как только поднималось народное волнение против поляков, то народ вместе с тем поражал и жидов; он периодически уменьшал их. Теперь мы этого не видим, но нет сомнения, что, когда кончится польский вопрос, то поднимется жидовский. Жидаы стоят на дороге лучшим силам народа, стремящимся к выходу в другие сословия. Этот порядок вещей не может продержаться долго»¹³.

В четвёртом издании книги (оно уже вышло под названием «Чтения по истории Западной России» в 1884 году) отношение к евреям несколько изменилось: Коялович уже не предлагал радикального «очищения» края от евреев. Тесная связь евреев с поляками не подвергалась пересмотру, но в связи с использованием евреями языка идиш (который историк ошибочно называл немецким) евреи в его представлении становились близки в первую очередь немцам¹⁴. При этом наблюдая за процессом ассимиляции евреев в Российской империи, Коялович обращал внимание на укрепление связей евреев с русскими и уже значительно более оптимистично смотрел

¹² Ibid.

¹³ Ibid., с. 36.

¹⁴ Id., *Чтения по истории Западной России*, Санкт-Петербург 1884, с. 41.

на перспективы ассимиляции: «в новейшие времена жида стремятся к сближению с русскими, – усердно изучают русский язык, наполняют русские учебные заведения, усердно вступают в русские торговые, промышленные дела, подходят даже близко к делам русского земледелия и овладевают значительными уже количеством земли на правах владельческих или арендаторских. В юго-западной России в их руках уже вся хлебная торговля. Наконец, жида настолько сблизилась с русскими, что уже из их среды выходят пожертвования, и иногда очень крупные, на общерусские благотворительные учреждения. Всё это новейшее направление наших жидов несомненно крепнет и обещает укрепляться больше и больше. Громадные и разнообразные богатства России способны надолго привязать к ней наших жидов и перевешивать их немецкие и польские особенности и наклонности. В этом отношении их стремление к расселению по всей России совершенно естественно и всегда будет настойчиво»¹⁵.

При этом Коялович продолжал усиливать у читателя ощущение «чуждости» евреев, сместив акцент с социально-экономического фактора в религиозную плоскость. Рассуждая о смешанных браках и ассимиляции евреев, он продолжал настаивать на их невозможности: «браки между нами и ими невозможны ни по нашему, ни по ихнему закону. Не помогли бы этому и гражданские браки, потому что эти браки противны и русскому человеку, а тем более жидам»¹⁶. Для сохранения еврейского самосознания важен был и язык идиш, который Коялович продолжал называть «немецкой речью»: «в действительности эта речь, особенно облечённая в некоторые заимствования из древнего еврейского языка и в древне-еврейский алфавит, имеет у них громадное значение и очень ценится, потому что составляет в своём роде условный язык и шифрованную грамоту, очень пригодную для тайного обмена мыслей. И это не случайная, мелочная потребность в таинственности. Она вытекает из цельной, законченной системы, так называемой талмудической, которая на большую половину есть политическая система, а не религиозная, и только по какому-то недоразумению подводится под разряд терпимых учений, а не под разряд вредных, нетерпимых, как крайние секты раскольнические, как теория иезуитская, социалистическая»¹⁷.

Наличие собственного языка в представлении Кояловича облегчало сохранение не только самосознания, но и передачи неких «тайных знаний», что по этой логике вело к представлению о некоей законченной системе. «Талмудическая система», согласно историку являлась средством узаконения и поддержания тайных обществ в виде кагалов, «которые действительно и существуют при всех почти синагогах и составляют страшно замкнутые и деспотические корпорации»¹⁸. Наличие «системы» мешало ассимиляции евреев с русскими и историк считал, что для лучшего эффекта следует создавать новые еврейские общины, «не отягощённые» традиционным наследием. При этом он осознавал, что создание таких новых общин не спасает от других «идеологических опасностей»: «из жидовства более

¹⁵ Ibid., с. 41–42.

¹⁶ Ibid., с. 42.

¹⁷ Ibid., с. 43.

¹⁸ Ibid.

и более выходит таких людей, которые не пристают ни к какому вероучению. Такие люди, за немногими лишь исключениями, делаются самыми последовательными рационалистами и космополитами, и тем незаметнее и сильнее вносит разложение в науку, литературу и нравы своих христианских сограждан»¹⁹.

В издании 1884 года Коялович уже не предлагал выселение евреев из «Западной России», а лишь принятие таких мер, «чтобы они поскорее поставлены были в условия жизни, менее вредные для этого народа»²⁰. Это изменение взглядов историка можно связать не только со значимыми успехами ассимиляции евреев и принятием ими русского языка и культуры в послереформенный период, но и со снижением накала политической ситуации вокруг западных губерний. После подавления восстания 1863–1864 гг. Коялович стал менее сомневаться в политической лояльности евреев и постепенно начал больше верить в их определённую ассимиляцию. Но при этом акцент стереотипных представлений стал смещаться от экономической составляющей к религиозной.

Важно отметить, что в основном рассказе об историческом пришлое «Западной России» евреи как группа уже упоминались гораздо реже, чем в вводных лекциях. Так, останавливаясь на правлении польского короля Казимира III Великого, историк подчёркивал его особое отношение к евреям: «Казимир особенно благоприятствовал этому наплыву иноземного элемента в Польшу и усилил его ещё тем, что покровительствовал колонизации жидов, к которым был очень расположен»²¹. При этом Коялович подчёркивал особые законодательные привилегии для немецкого населения в Польше, но не упоминал о похожих привилегиях для евреев (например, о расширении положений Калишского статута 1264 года на всё Польское Королевство). Евреи также упоминались в связи с последствиями Люблинской унии для Великого княжества Литовского как новая группа населения в городах²². Описывая процесс падения Речи Посполитой, своеволие магнатов, Коялович иллюстрировал следующим сюжетом из жизни Кароля Радзивилла по прозвищу Пане Коханку: «он производил разные фокусы над всеми, кто подвергивался под руку. Вздумает ударить шляхтича за обедом ложкой по лбу, шляхтич получает удар и отправляется на своё место. Или вздумает вместо лошадей запрячь в экипаж медведей и едет в костёл, куда много съезжалось и других панов. Лошади панские бесятся, ломают экипажи. Радзивилл вознаграждает убытки одною большою монетою, которую нарочно для этого вычеканивает. Паны станут делить и перессорятся. Или задумает Радзивилл сделать подарок соседу, приказывает навалить на воз жидов, притиснуть их жердию, свезти к приятелю и вывалить на дворе. Радзивилл, впрочем, при всём своём необузданном своеволии имел доброе сердце и не делал зла несправимого и жестокого. Но многие собратья его, идущие по той же дороге, доходили до невероятных крайностей. Многим из них, например, ничего не стоило попробовать ружьё и убить жида. Люди

¹⁹ Ibid., с. 44.

²⁰ Ibid., с. 45.

²¹ Id., *Лекции по истории Западной России*, [в:] id, *Шаги к обретению России...*, с. 79.

²² Id., *Чтения по истории Западной России...*, с. 171.

вообще слабые, беззащитные страдали тогда от панов на каждом шагу. Но особенно тяжёл и невыносим был панский деспотизм западнорусскому народу православному»²³. Наложение социально-экономических ролей на этническую и религиозную структуру общества по версии Кояловича было прямым следствием негативного влияния Польши на Великое княжество Литовское. При этом стоит обратить внимание на присутствие в нарративе осуждения насилия, правда в очень щадящих выражениях.

Тезис о тесных связях между еврейским и польским населением можно найти и в других работах М. О. Кояловича. Так, в рецензии на «Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей» Родрига (Родериха) фон Эркерта (1863 г.), Коялович с особенным усилием подчёркивал «неразрывную связь» между евреями и поляками. «Я думаю, что эта связь жидовского племени в Западной России с польским не случайна. Я думаю, что не случайно и то, что во всём бывшем Польском государстве жидов расселилось так много, как нигде в Западной Европе. Я думаю, что это логическое последствие исторического склада польской жизни. Жидовство в бывшем Польском государстве – это компромисс, сделка, посредничество между шляхетством и хлопством. Шляхетство считало для себя непозволительным унижаться до занятий торговлей, промышленностью. Из него не могло образоваться городское среднее сословие. Сословию этому нужно было выделиться из хлопства; но это было опасно. Мне, конечно, известно, что была попытка образовать туземное прочное мещанство посредством Магдебургского права, но мне известно также, особенно из документов церковной унии, как встревожились поляки, когда оказалось, что мещане-братчики имеют на сеймах своих представителей, и как жестоко расплачивались эти мещане-братчики за эту попытку приблизиться к шляхетству. Это было в начале XVII столетия, и с тех пор, особенно становится заметным падение туземного городского сословия и усиление жидов. И не займи жида этой середины между шляхетством и хлопством, очень вероятно, что явились бы занять её татары, цыгане или другое какое-либо племя, отличное резко, по своим народным и религиозным началам, и от шляхетства, и от хлопства»²⁴. Своё негативное отношение к евреям Коялович здесь подкреплял всё ещё экономическими аргументами, а особенно отсутствием возможностей упрощённого социального трансфера между различными сословиями: евреи «давали возможность шляхетству не сближаться с хлопством и задерживали хлопство от приближения к шляхетству. Тому и другому нужно было разве перескакивать через жидов, чтобы сблизится или в частных случаях переходить из одного стана в другой. Само собою разумеется, что такие скачки не могли быть часты и ещё реже благополучны. Отсюда-то тот дикий, ужасный факт, что во все смуты в Западной России народ во время борьбы против поляков принимался всегда и за истребление жидов. Русская власть над Западной

²³ Id., *Лекции по истории Западной России*, [в:] id., *Шаги к обретению России...*, с. 188–189.

²⁴ Id., *О расселении племён западного края России. По поводу изданного г. Эркертом (на французском языке) этнографического атласа областей, населённых сплошь или отчасти поляками. Сказано в общем собрании Географического общества 8 мая 1863 г.*, [в:] id., *Шаги к обретению России...*, с. 545.

Россией и новейшая цивилизация приостановили такое варварское дело, которое, дай Бог, чтобы никогда не повторялось; но положение жидов в Западной России, выработанное Польшей, всё-таки неестественное»²⁵. На волне событий Январского восстания историк поддерживал идею выселения или ассимиляции евреев: «С уничтожением крепостного права в Западной России шляхетство и хлопство теряют последний свой смысл. Шляхетству предстоит спускаться чаще и больше к хлопству, – хлопству предстоит чаще и больше подниматься к шляхетству. Т. е. обоим им предстоит занять ту середину, которую занимают жидаы. Жидам остаётся или расплыться между шляхетством и хлопством, или вместе с тем и выходить куда-нибудь вне Западной России. Я имею, может быть, личное убеждение, что этому трудному вопросу не легко разрешится без болезней»²⁶.

В 1864 году для усиления развития промыслов в крестьянской среде западных губерний империи Коялович предлагал запрещение строительства православных церквей посредниками-евреями. Такая практика была достаточно распространена и сохранялась практически до XX века. Запрет должен был служить не только для предотвращения «профанации дела Божия», но и для постепенного замещения выходцами из крестьянского сословия евреев в мещанской среде и таким образом, для восстановления «исторического мещанства». Историк предостерегал от замещения панов крестьянами: «панство польское теперь подламывается, но это ещё не изменит существенно положение крестьян. Не перескакивать же им через евреев на место панов? От этого не будет никакой пользы, а, напротив, вред. Естественнее и безопаснее им выход в торговую, промышленную сферу, т. е. в ту сферу, которая теперь занята евреями»²⁷. При этом Коялович не был до конца последователен в своих размышлениях. Он предлагал выходцам из крестьян получить лишь минимальное образование и возвращение к земледелию с возможным занятием торговлей или ремеслом как дополнительным источником дохода: «не нужно обманывать и тем, что многие крестьянские мальчики стремятся в гимназии. Сильное движение в эту сторону будет доказывать только желание перескочить через евреев в своего рода панство. Из десяти один такой скачок будет удачен. Все же остальные, скачущие через евреев в сферу чиновничью, без связей, без почвы под собою, сделаются негодными для страны. Гораздо больше будет пользы от тех, которые покончат на двухклассных, трёхклассных училищах да возвратятся в свою среду и внесут в земледельческую жизнь кой-какую прибавку промысла или пристроятся к торговле»²⁸. В этой же статье историк обращал внимание на такие особенности повседневности западных губерний, как например посещение синагог в ознакомительных целях людьми православного вероисповедания: «мы бы советовали раз навсегда прекратить путешествия в еврейские синагоги в некоторые дни для слушания еврейского молебствия и еврейских проповедей. Почтенные

²⁵ Ibid., с. 546.

²⁶ Ibid.

²⁷ Id., *Нужны промыслы, нужны ремёсла в западно-русском народе*, [в:] id., *Шаги к обретению России...*, с. 622.

²⁸ Ibid., с. 622–623.

русские посетители синагог не понимают, какой вред они причиняют народному делу этим посещением, с которым почти всегда соединяется пренебрежение к церквям и, во всяком случае, обидное равновесие внимания к православию и жидовству. Каждый пусть молится по своему закону»²⁹. Попытки сохранить сословные и религиозные границы между евреями и христианами в публицистике Кояловича свидетельствуют не только о его личном желании как выходца из среды духовенства сохранить «чистоту» православных прихожан, одновременно показывая, что эти границы были достаточно размыты. В тот период он ещё довольно скептически отзывался о перспективах ассимиляции евреев: «евреи там решительно отуманили головы у большинства деятелей. Там создаются утопии – пересоздать евреев. Невозможно читать равнодушно разные известия из Западной России о заботливом покровительстве, внимании к евреям, и рядом с этим о пренебрежении к вопиющим нуждам местного населения»³⁰.

Коялович-публицист также высказывался по поводу проведения железнодорожных линий. В частности, по его мнению, проведение железных дорог от морских портов менее желательно, так как приводило к наплыву евреев и иностранцев: «скорейшее проведение железных дорог *от морей* скорее и сильнее отдаст нашу торговлю в руки иноземцев, тогда как усиленное развитие дорог *изнутри* России поможет нашим самобытным торговым силам оправиться, укрепится и стать на твёрдых ногах перед иноземцами. Словом, усиленное развитие дорог *изнутри* России даст нам самостоятельное торговое положение, а усиленное развитие их *от морей* грозит нам торговым порабощением перед иноземными торговыми людьми и капиталами»³¹.

Статья М. О. Кояловича «Наши русские исторические знамёна веры и народности», напечатанная в феврале-апреле 1883 года в журнале «Церковный вестник» позволяет проследить источники знаний историка о «еврейском вопросе». Опирался он на работу «Книга кагала» публициста Якова Александровича Брафмана (1825–1879). В XIX веке тексты этого публициста часто использовались в антиеврейской пропаганде и по признанию большинства исследователей они носят антисемитский характер. Яков Брафман принял православие, преподавал иврит в Минской духовной семинарии, а позже был цензором книг на иврите и идиш в Вильно и Петербурге³².

В этой статье Коялович продолжал проводить тезис об особом свойстве русского населения в деле ассимиляции любого народа, в том числе и еврейского. «Русский человек и в старые времена действовал на инородцев прежде всего силою своего слова, обычаев, вообще складом своей жизни. Но тогда вступал в инородческую среду цельный русский человек; в нём сказывалась сама собою и его вера; оттого за гражданским его влиянием обыкновенно следовало и религиозное его влияние на инородцев. Такое

²⁹ Ibid., с. 622.

³⁰ Ibid., с. 622.

³¹ М. О. Коялович, *Ещё о направлении наших железных дорог*, [в:] id., *Шаги к обретению России...*, с. 627.

³² *Брафман Яков*, *Электронная еврейская энциклопедия*, <http://eleven.co.il/jews-of-russia-and-ussr/government-society-and-jews-1772-1917/10740/>, [последнее посещение: 03.05.2018].

влияние производится и теперь простыми русскими. Говорят, что нередко наши русские кормилицы и няньки неотразимо русят даже еврейских детей своею бытовою и даже религиозною сторонами жизни, что вызывает в евреях особенную заботу разрушать в своей русской прислуге начала русской жизни»³³.

Далее, рассуждая о существовании особой еврейской организации Коялович повторял основные тезисы работ Я. Брафмана (и свои собственные мысли, высказываемые ещё в 60-е годы XIX века): «иудейская корпорация, под видом союза во имя веры, есть страшный гнёт для всех хороших иудеев и страшный вызов на зло всем дурным, т. е. это есть самый противообщественный и противогосударственный союз, однородный по своим существенным чертам с иезуитством и социализмом»³⁴.

Для подтверждения своих мыслей Коялович неоднократно ссыался напрямую на работу Я. Брафмана: «мы советуем читать «Книгу кагала», изданную покойным Брафманом, книгу, которую наши учёные иудеи весьма заботливо опровергают, но которую постоянно подтверждают судные дела и явления обыденной иудейской жизни»³⁵.

Обращаясь снова к теме языка идиш, автор в 1883 году называет его уже «жаргоном»: «кроме еврейского языка, на котором в случае надобности могут говорить главные двигатели кагала и который крайне мало известен христианам, все наши русские иудеи говорят на так называемом жидовском жаргоне, мало понятном даже тем из христиан, которые знают немецкий язык, лежащий в основе этого жаргона»³⁶. Наличие «тайного» языка, а тем более способность разговаривать на нескольких языках для ведения торговли и ремесёл вызывали у Кояловича мысли о наличии не просто иудейской религиозной организации, но и «всемирного союза». Иудейскую организацию он сравнивал с иезуитами и социалистами не один раз и подчёркивал её «вредное воздействие»: «существует заведомо и высшая кагальная корпорация – всемирный иудейский союз, заправители которого смело выступают делегатами перед тем или другим правительством и имели, говорят, даже притязание заседать на Берлинском конгрессе»³⁷.

Свои надежды на ассимиляцию и сближение евреев с христианами Коялович видел в создании некой новой еврейской организации (как и в четвёртом издании «Чтений по истории Западной России»): «во времена последней попытки смуты и вызванного ею великого подъёма русского народного чувства в среде честных западнорусских иудеев образовалась группа, которая задумала освободить массу иудейскую от кагального и талмудического гнёта и развращения и сближать её с Россией. Из этой среды вышел и покойный Брафман, так много разъяснивший нам наше иудейство. Но эта группа не была нами поддержана, члены её или рассеялись или изгибли под гнётом кагала. Перед последними погромами иудеев на

³³ М. О. Коялович, *Наши русские исторические знамёна веры и народности*, [в:] *id.*, *Шаги к обретению России...*, с. 722.

³⁴ *Ibid.*, с. 734–735.

³⁵ *Ibid.*, с. 736.

³⁶ *Ibid.*, с. 735.

³⁷ *Ibid.*, с. 737.

юге России некоторые ещё подняли те же речи. Два года тому назад один из таких иудеев из Елисаветграда был у нас и раскрывал нам стремления свои и подобных ему иудеев. Он прямо отвергал Талмуд и становился на почву караимов, но шёл дальше их. Он говорил, что нужно остановиться на Ветхом завете, уяснить, что и христиане, и иудеи верят в одного Мессию, но христиане веруют, что Мессия уже пришёл, а иудеи ещё ждут его. Вот, говорил он, нужно рассудить нам иудеям при вашем содействии, верно ли то, что что ещё не пришёл Мессия. Он желал, чтобы образовалось общество их христиан и иудеев, готовых посвятить себя уяснению этого вопроса, и высказывал надежду, что уже есть немало иудеев, готовых разрушить всю преграду, отделяющую иудеев от христиан. Заметим, что это был 70-летний старик, и когда он им рассказал своё происхождение и историю своих воззрений, то я увидел, что он вышел из вышесказанной западно-русской группы иудеев, некоторые члены которой мне были хорошо знакомы. Известно, что и после погромов подобные стремления обнаруживались между иудеями. Известно, наконец, что реформационное движение, направляющееся к сближению иудеев с христианами, сильно сказывается в среде иудеев других стран³⁸. Интересно то, что историк упоминал о волне массовых погромов 80-х годов XIX века, отмечая, что они неким образом повлияли на мировоззрение части еврейского сообщества. При этом историк не высказывался широко о самих погромах, отмечая лишь их варварский характер и в принципе их осуждая: «сохрани Бог, угнетать евреев, пусть они живут и благоденствуют»³⁹.

Ссылки на караимов у Кояловича появлялись неоднократно. К примеру, рассуждая о языке идиш, он указывал на то, что в Крыму караимы говорят на татарском, но и там распространяется идиш⁴⁰. Вероятно, в его представлении караимское население могло быть примером переосмысления еврейства в совершенно новом смысле. Стоит отметить, что Коялович не учёл внутренней трансформации караимского сообщества в сторону осмысления себя как отдельной этноконфессиональной группы.

Кроме работ Я. Брафмана отношение Кояловича к евреям формировалось вероятно всего в русле православной религиозной литературы. Михаил Вайскопф, анализируя русскую литературу эпохи романтизма отмечал, что в понимании того времени «после Рождества Христова само существование иудеев утратило всякий положительный смысл, поскольку чаемый мессия уже пришёл, ветхозаветное «предисловие» сменилось евангельским откровением, а «ветхий» Израиль – новым, т. е. вселенской церковью»⁴¹. В условиях Российской империи такая трактовка обрела свою дополнительную черту, особенно после войн с Наполеоном, когда в русской литературе появился

³⁸ Ibid., с. 738–739.

³⁹ М. О. Коялович, *Нужны промыслы, нужны ремёсла в западно-русском народе*, [в:] id., *Шаги к обретению России...*, с. 622.

⁴⁰ Id., *Наши русские исторические знамёна веры и народности* [в:] id., *Шаги к обретению России...*, с. 735.

⁴¹ М. Вайскопф, *Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма*, Москва-Иерусалим 2008, с. 19–20.

тезис о спасении Богом России от бедствий⁴². Коялович получал образование в 1840–50-х годах и общая атмосфера православного религиозного обучения и воспитания наверняка повлияла на его понимание еврейской проблематики.

Анализ высказываний Михаила Кояловича на еврейскую проблематику позволяет сделать ряд выводов. В основном историческом нарративе этого исследователя еврейское сообщество занимало значимое место как этническая группа, препятствующая основному населению «Западной России» («народу») в возможности социального продвижения и улучшения своего экономического положения. Наряду с поляками, евреи выступали в качестве народа, который разделял литовцев, белорусов и украинцев друг от друга и мешал их сближению.

Основные тезисы работ М. О. Кояловича носят яркие антисемитские черты, характерные для публицистики второй половины XIX века. Источником его знаний о евреях был не только его собственный повседневный опыт, но и работы Якова Брафмана и вероятно других авторов. Однако, важно подчеркнуть некоторую эволюцию воззрений Кояловича. Если во второй половине 1860-х годов он использовал социально-экономические аргументы для подтверждения своего антисемитизма, то к 1880-м годам в его риторике стали превалировать аргументы религиозного характера.

При этом Коялович избегал открытой поддержки насильственных действий против евреев (в частности, осуждал погромы), но на волне восстания 1863–1864 гг. высказывался в поддержку переселения евреев из западных губерний империи и последующего их «растворения» в губерниях центральной России. Постоянное использование историком названий «жид», «жидовство», «жидовский» в публицистике и научных работах также являлось ярким признаком антисемитского дискурса.

Непоследовательность воззрений на еврейскую проблематику у Кояловича можно объяснить разными факторами. Несмотря на всё внимание к польской и еврейской общности в «Западной России», его фактических знаний о них не хватало. Определённые цензурные ограничения также заставляли корректировать свои высказывания в печати, что усложняет исследование реального мнения автора XIX века. Изменения политической и общественной ситуации на протяжении десятилетий также влияли на мнение Кояловича. Доминирование христианской риторики XIX века, критикующей существование иудаизма как «ненужное» в метафизическом смысле также существенно повлияло на него как выходца из духовного сословия. Обобщая, можно охарактеризовать отношение к евреям у этого историка как «непоследовательный антисемитизм».

Для понимания представления «западнорусской школы» о прошлом и настоящем белорусских, литовских и украинских земель важно не только исследование различных аспектов исторического нарратива, но и выяснение основных аксиологических принципов этого направления. Отношение к еврейской проблеме показывает «западноруссизм» достаточно сложным и эклектичным явлением, сочетающим в себе различные течения. При этом для основного представителя этого направления – Михаила Кояловича

⁴² Ibid., с. 26–27.

антисемитизм был интегральной частью мировоззрения.

Библиография

Бершадский С., *Михаил Осипович Коялович. Некролог*, «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1891, октябрь, с. 33–38.

Брафман Яков, *Электронная еврейская энциклопедия*, <http://eleven.co.il/jews-of-russia-and-ussr/government-society-and-jews-1772-1917/10740/>, [последнее посещение: 03.05.2018].

Вайскопф М., *Покрывало Моисея. Еврейская тема в эпоху романтизма*, Москва-Иерусалим 2008.

Долбиллов М., *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2010.

Жукович П., *Михаил Осипович Коялович*, «Славянское обозрение», 1892, т. 1, с. 70–79.

Коялович М. О., *Где наши силы?* «День», 03.08.1863, № 29, с. 6–9.

Коялович М. О., *Чтения по истории Западной России*, Санкт-Петербург 1884.

Коялович М. О., *Шаги к обретению России*, Минск 2011.

Литвинский А., Карев Д., *Западнорусизм в российской историографии второй половины XIX – начала XX вв.*, [в:] *Стэфан Баторый у гістарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы*, пад рэд. Д. Карава, Л. Мальцавай і Н. Мілосты, Гродна 2004, с. 195–324.

Скалабанович Н., *Профессор М. О. Коялович (некролог)*, «Церковный вестник», 1891, 29 августа, № 35, с. 556–560.

Цьвікевіч А., *«Западно-русизм». Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.*, Менск 1993.

Черепица В. Н., *Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества*, Гродно 1998.

Morawiec N., *Dialektyki ruskości. «Historia zjednoczenia zachodnioruskich unitów...» M. Kojalowicza a metafora zjednoczenia*, [w:] *Ukraina-Polska-Unia Europejska. Polityczny, gospodarczy i społeczno-kulturalny wymiar współpracy*, red. K. Jędraszczyk, O. Krasiwski i W. Sobczak, Poznań 2012, s. 411–432.

Staliūnas D., *Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*, Amsterdam-New York 2007.

Symaniec V., *La construction idéologique slave orientale. Langues, races et nations dans la Russie du XIXe siècle*, Paris 2012.

Tichomirow A., *Zachodniorusizm jako światopogląd: historia i kontynuacje*, «Częstochofskie Teki Historyczne», 2016, t. 6, s. 183–205.

Андрей Тихомиров

Институт истории науки Польской академии наук

**«ЛЮДИ КРАЙНЕ ТЯЖЁЛЫЕ, ВРЕДНЫЕ ДЛЯ НАРОДА»:
ЕВРЕИ В НАРРАТИВЕ МИХАИЛА ОСИПОВИЧА
КОЯЛОВИЧА**

Резюме: В статье проанализированы высказывания историка Михаила Осиповича Кояловича (1828–1891) о еврейской общине на белорусских, литовских и украинских землях. Для анализа использовались его научные и публицистические работы 1860–1880-х годов. Нарратив Кояловича о евреях носил антисемитский характер, он использовал характерные для позднего русского славянофильства социальные, экономические, а также религиозные аргументы.

Ключевые слова: историография, антисемитизм, евреи, Беларусь, Украина, Литва.

Andrzej Tichomirow

Institute for the History of Science, Polish Academy of Sciences

**“PEOPLE EXTREMELY HEAVY, HARMFUL TO THE NATION”:
JEWS IN THE NARRATION OF MIKHAIL OSIPOVICH
KOYALOVICH**

Summary: The article analyzes statements made by historian Mikhail Osipovich Koyalovich (1828–1891) about the Jewish community in Belarus, Lithuania and Ukraine. For analysis was used his scientific and journalistic works of 1860s and 1880s. Koyalovich’s narrative about Jews was anti-Semitic, he used social and economic as well as religious arguments typical for later Russian Slavophilism.

Keywords: historiography, anti-Semitism, Jews, Belarus, Ukraine, Lithuania.